

**Краевой конкурсный отбор молодых писателей
«Авторы Приморья»**

СНЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ ТОКАГЕН-ДЗИ

Бочарова В.И.

Яновски

[желаю публиковаться под псевдонимом]

10.10.2000 года

Находка

Председатель Правления

З.Д. Григорьев

— Надо же, — на вытянутую ладонь опустились маленькие снежинки и сразу же исчезли, — опять снег пошел.

Ветви высоких сосен покачивались от ветра, но даже тихий шелест не нарушал спокойствие буддийского храма Токаген-дзи в префектуре Яманаси. Все вокруг замерло, уступая место плавно падающему снегу. Послушник стоял рядом с перилами второго яруса храма и, словно зачарованных, смотрел на открывающуюся перед ним картину: Токаген-дзи был расположен в лесу, он будто бы отстранился от своих знакомых и решил прожить одинокую жизнь где-нибудь вдали от людей, поэтому даже в летнее время года туристы редко заглядывали на территорию, не говоря уже о зиме; снег покрывал дорожки, которые еще ранним утром ученик с особым усердием подметал, падал на листья растений, отчего те клонились к земле. С каждой минутой он становился сильнее, и через стройные стволы сосен уже нельзя было разглядеть далекие городские огни и вершину Фудзиямы. Возможно, именно ощущение умиротворения, тишина и легкость, сравнимая с дуновением ветра, снимали тяжкий груз с души послушника.

— Зима будет теплой, — ученик вздрогнул и оглянулся. Сложив руки на груди, монах по-доброму улыбнулся, когда увидел чужой испуг.

— Вы любите снег, учитель?

— Когда идет снег, он будто укрывает собой все идеалы и низости этого мира, предоставляя нам мир во всей своей первозданной пустоте. Одетый в тишину, он такой, каким его создала изначальная мысль.

Ученик молча выслушал ответ и задумчиво посмотрел на монаха. И как он не услышал его шагов? Каждый день стук гэта доносился из разных частей храма, давая служителям узнать местонахождение настоятеля, а сегодня его шаги стали такими же тихими как все вокруг. На крыше верхнего яруса что-то нарушило спокойствие — наверное, какая-нибудь птица пробежала по кровле, возомнив себя Хаяси Дзеканом, но после ее бунта все вернулось на круги своя.

— У меня так раньше перхоть сыпалась, — едва слышно прошептал юноша и почувствовал серьезный взгляд учителя. Скорчив недовольную гримасу, послушник смахнул снег с остриженной головы и вздрогнул — все же было немного прохладно, — Извините.

— Ребячеству тоже нужно уделять немного времени. В конце концов, когда идет снег, нам больше обычного хочется почувствовать себя детьми, — монах развернулся и так же беззвучно, как и пришел, направился внутрь храма. Он остановился у седзи и тихо добавил:

— Может, нам даже повезет встретить юки-даруму, кто знает?

— Вы хотите слепить снеговика?

— Я такого не говорил.

Монах сделал пару шагов, замер в узеньком коридоре и над чем-то задумался. Подглядывающий за ним ученик сдвинул темные брови и прищурил глаза, желая разглядеть если не мысли учителя, то хотя бы его выражение лица. Этот мужчина с момента их встречи казался загадкой. В его серьезных чертах лица и глубоких глазах иногда виднелось то самое ребячество, благодаря которому он позволял ученику отойти от установленных правил и побыть немного ребенком. Возможно, монаху на самом деле самому хотелось вернуться в детство. Далекий и одновременно близкий учитель не говорил о себе, но назвать его замкнутым ученик не мог. Если однажды придет время, учитель раскроет ему тайны прошлого и, возможно, будущего.

Услышав хруст ветвей, послушник выпрямил спину и повернулся в сторону звука. Из-за снегопада видимость значительно ухудшилась, но разглядеть приближающиеся человеческие фигуры оказалось реально. Кто-то шел к храму в самую неподходящую для прогулок погоду.

Два человека шли очень странной походкой. Отчасти им мешало количество снега, которого за территорией храма могло хватить на погребение собственных пороков, но было в них что-то еще. Что-то, из-за чего сердце послушника забилось быстрее.

Он вернулся в храм, напрочь позабыв сдвинуть седзи, и отправился на поиски настоятеля. Обычно он гулял неподалеку с Серебряным прудом и, стоя на небольшом мостике, наблюдал за плавающими в нем карпами кои, или проводил время в своем кабинете, где читал книги на китайском. Любовь монаха к Китаю отчетливо виделась в каждом его движении и жесте, и разговаривал он с акцентом. И другим послушникам этот забавный акцент казался милым. Впрочем, называть их «послушниками» и «настоятелем» едва ли не ошибочно. Так уж вышло, что отношения между ними не укладывались в каноны буддийского храма и больше напоминали отношения отца и детей. Мудрый взрослый и трое мальчишек разных возрастов начали свой путь совершенно случайно.

— Учитель! К нам кто-то идет! — запыхавшись от бега, произнес ученик и указал на ворота храма. Двое неизвестных стояли напротив них.

Но что-то произошло. Не успев зайти на территорию Токаген-дзи, мужчина, как предположил послушник, склонился к земле и закашлял. Второй попытался поднять его, закинув руку к себе на плечо и быстро произнеся пару слов на странном японском. В ответ последовала тишина. В ворота вошел парень и наполненными ужасом глазами взглянул на идущих навстречу ученика с учителем, а затем, едва выговаривая слова, произнес:

— Ему надо помочь. Он умирает.

Алые капли крови на снегу напоминали хризантемы. Бутоны медленно распускались на белой простыне, касались лепестками друг друга и объединялись в миниатюрный букет смерти. Освободившийся от оков страха, послушник не сразу услышал свое имя, но кивнул и помог монаху поднять мужчину. Они направились к храму, пока юноша шел чуть поодаль и от волнения сжимал тонкими пальцами самурайский меч.

Снег не прекращался. Самый младший из послушников стоял у кабинета настоятеля и, затаив дыхание, прислушивался к звукам внутри, чтобы уловить хотя бы пару слов, которые утолят его детский интерес. Он оказался куда сильнее этики, и мальчишке хотелось узнать что-нибудь интересное о неизвестных и загадочных людях.

— Хитоси-кун, неужели и ты ничего не знаешь? — насупившись, мальчишка сложил руки на груди и фыркнул.

— Почему же? Скорее всего, он самурай, а тот, что младше, его ученик. Я это понял по взгляду. Только ученики смотрят так на учителей, которые оказываются в беде. Им кажется, что взрослые люди, даровавшие им знания, силу и опыт, познали жизнь, поэтому не могут попасть в неприятности, а когда это случается, мир словно рушится под их ногами. И не потому, что божественный облик учителя оказывается фальшивым, а потому, что он такой же человек, которого нужно защитить.

Любопытство в глазах мальчишки погасло, и теперь, когда умная мысль оставила след в его голове, он казался чуть-чуть старше обычного. Хитоси улыбнулся.

— А еще у него очень много волос! У меня было столько же когда-то, конечно же. Нам всем вместе столько волос не найти, сколько у него на голове!

Монах вышел из кабинета. Его лицо не выражало ничего, что могло бы натолкнуть на мысли о происходившем там, за сиди. Было ясно, что раненый самурай избежал смерти, а его ученик — горькой потери, которая могла оставить глубокие шрамы на его душе.

— Им нужно что-нибудь поесть. Кажется, они долгое время были в пути, — монах осмотрелся по сторонам и тихо добавил:

— Сделайте им чай.

Из кельи в конце узенького коридора показалась выстриженная макушка. Еще один послушник с заинтересованностью посмотрел на собравшихся и задумчиво пару раз кивнул. Изредка создавалось ощущение, будто он обитал в отдаленном, невидимом никому мире, где не было места другим, но изо дня возвращался обратно, в Токаген-дзи.

— Вы призвали бессмертного мастера приготовления чая.

— Рассчитываю на тебя.

— А я бы хотел стать самураем. У них есть мечи и они умеют драться, мальчишка ловил ладонью снежинки и устало говорил.

— Не говори глупостей, Арата-кун, меч — опасная вещь и порой бессмысленная. Иногда пара прочитанных наизусть сутр куда сильнее одного взмаха меча. К тому же, ты недавно выпил горячий чай и долго унывал из-за обожженного языка. Ранение принесет куда больше боли.

— Откуда тебе знать?

— О, Кэйташи-кун знает многое. Ты ведь не думал, что он только чай делать может? — Хитоси положил ладонь на плечо друга и трагически вздохнул. — Уверен, он у нас мастер на все руки, так что снег за...

— Нет, — Кэйташи одарил его гневным взглядом и отошел.

— Ты сейчас не мне отказал, а учителю. Помнишь, чему он учил нас? — он поднял указательный палец и с самым мудрым выражением лица произнес:

— Нужно помогать друг другу, и только тогда мир, наполненный болью и злобой, сможет...

— Все еще нет, — Кэйташи взял поднос на руки.

— Тебе бы вежливости поучиться, так и будешь всю жизнь делать чай, а других развлечений не узнаешь.

— Может и так, — он пожал плечами и жутковато улыбнулся, — но мой чай будет лучшим в мире.

Послушник вышел, и, глядя на его ровную спину и вслушиваясь в неторопливые шаги, хитоси вновь погрузился в мысли. Как же случилось так, что учителю удалось собрать вокруг себя совершенно разных людей? Наверное, просто им было все равно за кем идти. Он не знал, как именно монах нашел Арату-куна и Кэйташи, но отчетливо помнил день первой встречи с ним.

Весна. Из-за постоянных столкновений между сегуном и оппозицией в стране постоянно царили беспорядки, которые устраивали люди на фоне революции, поэтому жизнь, называвшаяся когда-то устойчивой, содрогалась от человеческих рук. Он сидел на мостике и всматривался в отражение в мутной воде, когда чей-то кашель привлек его внимание. Странный мужчина изучал плывущие по каналу листья, и в его глазах, слишком теплых для начала весны, виднелось желание сделать мир лучше. Рядом, на мостике, лежали аккуратно сделанные онигири. «Видишь ли, я не могу съесть их все. Разделишь со мной скромную трапезу?»

— Пойдем, Арата-кун, небо хочет, чтобы мы поработали, — он опустил ладонь на лысую макушку и вздохнул. — Справимся и без него, верно?

Тот кивнул.

Тихий шелест страниц и легкий звон колокольчика фури — первое, что он услышал. Внезапное спокойствие, которое ощущалось спустя долгое время, заставило его подумать о чистой земле, однако попасть туда он даже не мечтал. Скитаясь всю жизнь в тумане страданий и изредка выходя на долгожданный свет, он обнаруживал себя в новом,

более густом тумане, окутывающим его не только снаружи, но и изнутри. Неудачник, стремившийся поверить в солнце, все больше оказывался в темноте, и в какой-то момент она поглотила его.

Звон колокольчика. Веки медленно поднялись, и перед взором предстал потолок. Он повернул голову в сторону света и увидел крупные хлопья снега, плавно плывущие по воздуху. Возможно, ему хотелось стать такой же снежинкой, но он пал намного глубже обычного снега.

— Чудесная погода, правда? — монах сидел неподалеку и читал старый сборник стихов Тао Юаньмина. Он закрыл книгу и тоже посмотрел на снег. — И так прекрасно, что многие, видя его, чувствуют ту же легкость, что и мы с вами.

— Не напомним, где я нахожусь? — его голос от пробуждения был тихим и слегка хриплым, и монаху показалось, что имя самурая очень ему подходит.

— Буддийский храм Токаген-дзи, префектура Яманаси, — мужчина отложил сборник в сторону и прикрыл веки.

— А ваше имя?

— Асахи.

— Тогда почему, Асахи-сан, монах в буддийском храме не обрил голову? Вы заставляете меня сомневаться в словах, — он улыбнулся, а затем попытался рассмеяться, однако от боли в ребрах столь простое действие оказалось жуткой пыткой. Настоятель ничего не ответил. Он словно растворился в стоявшей в келье тишине на пару минут, а затем вновь вернулся на свое место.

— Ваш ученик переживал и боялся, что вы покинете его, — Асахи посмотрел на мирно спящего мальчишку на футоне и перевел взгляд на самурая, чьи волосы, подобно языкам пламени, неторопливо двигались от каждого его движения. — Наверное, он очень сильно устал, раз заснул, не дождавшись вашего пробуждения. Вы шли из косуге без перерыва, как сказал Кадзуки-кун.

— Вы не ответили на мой вопрос, — самурай принял сидячее положение и обнаружил перед собой большой шкаф, наполненный старыми книгами и свитками, на полках также стояли принадлежности для каллиграфии. На стене рядом с ним висела гравюра андо хиросигэ «лисы огни», а рядом, на письменном столике, лежал незаконченный рисунок, который в тусклом свете казался волшебным. Изучив взглядом корешки книг, он неожиданно для себя обнаружил большое количество китайской литературы.

— Если самурай может позволить тебе умереть, почему монах не может позволить себе иметь длинные волосы? — Асахи устало вздохнул и сощурил глаза, чтобы лучше видеть играющих в снежки послушников. — На вашем месте я бы никуда не спешил, Киеси-сан.

— Я всегда хотел отдать его лисам, — Киеси нахмурил светлые брови и почесал затылок. — Жаль, что не успел.

Монах улыбнулся и ничего не ответил. Он продолжал наблюдать за попытками Хитоси построить небольшое укрытие из снега, пока Арата не давал ему ни шанса на победу в ожесточенной схватке. Тихий стук прервал его наблюдения. Асахи разрешил войти, и внутрь бесшумно ступил Кэйташи с горячим чаем. Он быстро взглянул на обнаженную и частично покрытую бинтами спину самурая.

— Твой лучший чай?

— У бессмертного мастера любой чай лучший, — равнодушно ответил Кэйташи и ушел.

Асахи опустил взгляд в чашку чая и задумчиво хмыкнул. Оставив одну себе, он поднес вторую раненому и поставил рядом.

— Удача сегодня на вашей стороне. Только посмотрите, травинка в чае плавает вертикально, — он аккуратно убрал пальцами пряди рыжих волос и взглянул на алое пятно на бинтах. По словам кадзуки, в кося они столкнулись с кем-то, кто ранил его. Был ли Киеси инициатором драки?

Скорее всего, нет. Пусть таинственная аура и витает вокруг него, асахи не верил, что этот человек способен проявлять агрессию первым. Ему было интересно знать, кто его ранил: уж не на представителей ли власти они нарвались? — Вам нужен покой. С такой раной далеко не уйти, а если идти некуда, почему бы не остаться у нас?

Он не произнес ни слова, взял в руки чашку с чаем и посмотрел на травинку Асахи вернулся на прежнее место. «удача на его стороне»? Богиня Бэндзайтэн отворачивалась от него всю жизнь, почему именно сегодня она решила обратить на него внимание? Он сделал глоток и почувствовал, как теплая жидкость согревает изнутри. Внезапно ощущение радости слегка напугало Киеси, однако он лишь усмехнулся и продолжил размышлять о том, почему эти люди оказались добры к нему.

Яркий румянец на щеках, влажная из-за снежной перестрелки одежда и довольное лицо Араты рядом для Хитоси стали причиной меланхолии. Он проиграл в битве, которую развязал первым, когда запустил первый снежок под ноги мальчишки, а теперь, будучи промокшим до последней нити, он вкушал горькое поражение. Самодовольный Арата не сдерживал улыбку и гордо задирает нос, и Хитоси у не оставалось ничего, кроме как коснуться его теплых рук своими, ледяными, и заставить вскрикнуть от неожиданности.

— Веди себя тише, — недовольный голос Кэйташи раздался из кухни. — У нас там самурай почти убитый.

— Убитый? — Хитоси обнимал мальчишку одной рукой, пока вторая пыталась забраться под его одежду. — Мне казалось, что он неудачно сделал сэппуку. Самураи же такие, да? Из-за любой неудачи сразу за кусунгобу берутся. Что за нетерпеливый народ...

— Асахи-сан просил передать тебе кое-что, — Кэйташи скрылся за стеной и затих. Сгораемый от ожидания похвалы послушник не заметил, как из его хватки сбежал маленький воин. Он проследил за аратой и улыбнулся, когда представил, как монах смотрит на него добрыми

глазами и благодарит за порядок на территории храма и внутри него, как в его руках появляется лист бумаги, и он, вчитываясь в написанное, понимает, что стал новым настоятелем Токаген-дзи, потому что долгое время усердно работал и пытался добиться расположения учителя. Статуя Будды, небо наградили его за порой унижительную деятельность, и теперь ненавистная когда-то жизнь изменится. Кэйташи, стоя перед ним с ведром воды и тряпкой, молча ожидал, когда он вернется на землю.

— Держи.

— А... что это?

— Одна из важных буддийских практик и возможность сделать чище свое сердце, — он поставил ведро под ноги послушника. — Ну и пол в храме.

— А-а-а-а...

— Я присоединюсь к тебе, когда закончу с приготовлением ужина, не волнуйся, — Кэйташи отдал ему тряпку и похлопал по плечу.

— Тебе много еще осталось?

— Даже не начинал.

Если поливать цветок, рано или поздно на нем появится первый бутон, затем он раскроется и покажет миру чудесные лепестки. Хитоси, опустившись на пол, не мог понять, на какой стадии цветения он находился и цветок ли он. Может, учитель, не видя никакого потенциала в ученике, решил дать ложную надежду овощу? Вряд ли Асахи-сан, настоятель, позволит себе просто насмехаться над послушником.

Он не заметил как приблизился к келье, в которой находились их гости. Прильнув к двери, Хитоси напряг слух, чтобы подслушать разговор, но голос самурая, как бы ни старался, разобрать не получилось. Тихий и спокойный. Он будто произносил свои последние слова, чтобы без сожалений уйти в иной мир. А кто будет читать по нему похоронные сутры? Настоятель так и не продиктовал их, наивно надеясь, что никто в храме не умрет. И внезапно появился почти мертвый мужчина! Хитоси

сдвинул седзи и заглянул в комнату: на футоне мирно спал мальчишка, на другой лежал самурай на спине, пока монах, занявший любимое место, читал про себя книгу. Тяжело вздохнув, парень хотел вернуться к мытью полов, но голос асахи-сана позвал его.

— А, я это... подумал, что нужна моя помощь и... — Хитоси неловко почесал затылок, стараясь избегать прямого зрительного контакта с учителем. — Вам что-то нужно?

— Приготовь свободную келью и одежду для наших гостей, — он не отрывал глаз от страниц и периодически замирал над какой-нибудь строкой. — Они задержатся у нас на какое-то время.

Хитоси наблюдал за тем, как грудная клетка раненого медленно поднималась и опускалась, и почему-то боялся, что любой последующий вдох станет последним. Кажется, незнакомец задремал, а смерть во сне будет наилучшим исходом для него.

— Хорошо, — он кивнул, подтверждая слова. — А...

— Арата-кун поможет помыть пол, — Асахи-сан премило улыбнулся, отчего маленькое сердечко дрогнуло. Учитель дарил улыбку постоянно, чтобы даже в моменты грусти или пасмурную погоду его подопечные видели тонкий луч света, пробивающийся через тьму или облака, но сейчас Хитоси рассмотрел в этом лице издевку. «Арата-кун все равно не поможет тебе, он занимается каллиграфией по моей просьбе, поэтому с полом будешь справляться сам». Задвинув седзи, послушник опустил взгляд на влажные следы уборки. Можно ли вообще монахам издеваться над кем бы то ни было?

Он читал исторические книги в библиотеке поздними ночами и думал, что люди, подобные Асахи-сану, должны вести правильную и простую жизнь: не злоупотреблять положением, скромно питаться, не шляться по кварталу красных фонарей и все в таком духе. Однако в тех же книжках рассказывалось о том, как тот или иной монах из храма проводит время с девушками, ублажает их, пока они развлекают его, а

иные даже не догадываются, что тот человек, на которого они равняются, является худшим примером для подражания. Хитоси никогда не служил при храме, даже не помнил, чтобы приходил с родителями, чтобы отблагодарить будду за все, и Токаген-дзи стал первой опорной точкой в жизни. Асахи-сан не был идеальным монахом. Он каждую ночь проводил в своей кабине, до раннего утра зачитываясь трудами китайских писателей, затем стучал в колокол и проходил по храму, читая сутры, и ни разу не давал повода даже немного подумать о том, что ему нужно внимание женщины. Питались они тоже скромно. Обычно в храмах живут на подношения прихожан, но в Тогакен-дзи их никогда не было много, поэтому горький редис, при упоминании которого Хитоси у становилось тошно, в какой-то момент стал появляться на столе все чаще. И все же, монахи тоже люди. Пусть Асахи-сан даровал ему дом, еду и душевные силы, его нельзя считать святым. Наверняка раньше он иногда делал глупости, лгал или даже употреблял опиум, будучи в родном Китае, а сейчас, уйдя от прошлого в стены храма, лишь тихонечко издевался над Хитоси. И если это единственная шалость, то ее можно было стерпеть.

О годах, прожитых в другой стране, учитель почти ничего не рассказывал. Кем он был раньше, чем занимался, в каком городе жил не знал никто, но что-то подсказывало: ему можно довериться, за ним можно пойти. Хитоси остановился с футоном в руках и грустно улыбнулся. Вечер уже наступил. Крупные хлопья снега стали меньше, и в свете маленького фонаря их падение казалось таким волшебным, что он не нашел в себе сил оторвать взгляд.

— Да уж, — усмехнулся он.

Закончив с вечерним песнопением и ужином, Кэйташи быстро убежал в келью, оправдываясь тем, что должен закончить работу над чем-то. Обычно он проводил время на кухне, в которую никого не пускал, потому что экспериментировал с созданием «особого чая». Хитоси иногда подглядывал за ним через узкую щель и поражался тому, как сильно его друг похож на сумасшедшую деревенскую знахарку, варящую ядовитое зелье для известных только ей целей. Но чай, на удивление, всегда получался разным и вкусным, хотя травы Кэйташи собирал каждое лето одни и те же.

Арата, уставший от мытья полов, изо всех сил пытался не спать. Он то любовался снегом на фоне фонаря, то медленно опускал голову, норовя заснуть. И только хитоси чувствовал прилив сил. Ночью, пока все спали, он частенько сидел без дела и листал старые книги, сочинял хокку, которые сразу же забывал, напевал про себя песенки и иногда выходил погулять. Летом, когда большая луна освещала храм, а пение цикад успокаивало душу, он забирался на крышу и долгие часы изучал грустный лик небесного светила.

– Не хочешь идти спать? – голос Асахи-сана прозвучал неожиданно. Он будто развлекался, когда подкрадывался сзади и внезапно начинал разговор.

– Я хочу кое-что спросить у вас, – Хитоси проводил взглядом сонного Арату и неловко почесал затылок. – Как тот самурай?

– О, Киеси-кун будет в порядке, не переживай, – он спрятал руки в рукава кимоно и, постукивая деревянными гэта, прошел к висящей на стене гравюре огата гэкко «шафран». – У нас в храме запрещено умирать. Думаю, завтра вы сможете познакомиться с ним поближе.

– Вот как...

– Иди спать, ты сегодня хорошо поработал, – Асахи одарил его доброй улыбкой, и Хитоси, смущенно покраснев от похвалы, кивнул.

Киеси открыл глаза поздней ночью. Пролежав неподвижно некоторое время, он ощутил острую необходимость пройтись — ноги отказывались находиться в горизонтальном положении. Он с трудом поднялся, убрал с лица длинные пряди волос и обратил внимание на спящего неподалеку мальчишку, который не просыпался с момента их появления здесь. Странно. Вечно бодрый юнец, не знающий отдыха, оказался более уставшим, чем тот, кто ощущал необходимость в отдыхе постоянно. Придерживая рукой область ранения, неприятно тянувшего вниз, он покинул келью и вышел в коридор. Тишину храма нельзя было сравнить с шумом ветра или криком птиц, будивших по утрам, и впервые за несколько месяцев ему показалось, что место, которое он отчаянно пытался найти, нашло его само. Он прошел по зданию босыми ногами, ощутил бодрящую прохладу и, вдохнув морозный воздух, взглянул на усеянное звездами небо. Разве когда-то он мог мечтать о подобном? Размышлять о везении пока рано, но необъяснимая легкость на душе и доброта местного настоятеля располагали.

Он смотрел на небо, взором собирая созвездия, и старался не думать о будущем. Останется он тут или нет, нарушит принципы или вновь пойдет у них на поводу — вопросы, размышлять над которыми ему хотелось меньше всего. Киеси вздрогнул всем телом — зима обжигала обнаженные участки кожи.

Один поэт в стихотворении восхищался морозным утром, но вряд ли он, проснувшись пения птиц, ощущал начало дня как начало новой,

незнакомой ему жизни и, открывая сонные глаза, чтобы увидеть яркий снег на ветвях сосен, впервые за долгое время радовался тому, что проснулся. Он лежал, наблюдая за маленькой птицей, из-за прыжка которой с иголок вниз посыпались снежинки, и мирно улыбался.

– «... я открыл глаза на рассвете», – последняя строка танка, как и обрывки когда-то прочитанных книг, всплыла со дна сознания, и Киеси почему-то показалось, что она появилась вовремя.

Бодрые шаги где-то в дальнем конце коридора означали, что монах и послушники уже давно проснулись. Он надел приготовленную для него одежду и взглянул на едва заметный свой облик в стекле: выглядел он чуть лучше прежнего, а это уже можно было считать победой. Рана на животе не доставляла неудобств, поэтому, затянув волосы в высокий хвост, Киеси прошел босыми ногами по келье и вышел из нее.

Детские голоса становились тише: кто-то спокойным голосом говорил про зеленый чай, сделанный из трав, которые росли неподалеку от Кайдзэнко-дзи в Кофу, другой на эмоциях убеждал, что чай – бессмысленная вещь по сравнению с засыпанными снегом дорожками на территории храма. Когда они стали едва слышны, в поле зрения Киеси появился настоятель в приятном голубом кимоно, сшитым мастером в китайской манере. На фоне коричневых и серых цветов он выглядел слишком ярко, и было в этом нечто особенное и привлекательное, что замечают, как правило, истинные ценители красоты.

– Доброе утро, Киеси-кун, – он чуть склонил голову к плечу и в знак приветствия поднял левую руку. Правой асахи придерживал старый томик Юй Хуа. – Чудесный сегодня день, не находите?

Самурай неуверенно кивнул. Дни, сливавшиеся когда-то в однородную серую массу, наконец стали различимы, и причиной, по которой так случилось, служило отнюдь не ранение. За двадцать с лишним лет он умирал во всех смыслах и с каждым разом осознавал, что привычное для героев трагических книг воскрешение не даровало ему

жажды и стремления жить, однако невидимое взору нечто продолжало изо вести его в новый день. Для чего же? Теперь ему казалось, что все станет иначе, что тонкая нить надежды, вероятно, впервые не обещала оборваться, и от одной мысли становилось смешно: человек, избегавший веры, нашел спасение в храме.

– Не хотите выпить сакэ?

– Только если во время распития вы не откажетесь поговорить о поэзии, – Киеси неловко улыбнулся, прикрыв веки, но, получив положительный ответ, обрадовался. Музыка и литература пленили его настолько, что он готов был отдать свой драгоценный меч, лишь бы кто-нибудь смог вступить с ним в беседу. По своей сути, как думалось самой темной ночью, он ничем не отличался от бродячей собаки: кинь ему пару добрых слов или обглоданную кость прозы, погладь по голове, и он, виляя хвостом, станет верным спутником человека, который проявил заботу и не осознавал, что аппетит пса безграничен. И вот через пару недель окажется, что наивный простолюдин подкармливал волка... Впрочем, жажда так называемой крови, хоть и давала о себе знать, но уже меньше. Связывать мысли между собой – трудная задача, когда мыслей слишком много. – Я видел у вас на полках сборники стихотворений Ли Бо. Ваш любимый поэт?

– Ли Бо – моя душа, – Асахи тихо посмеялся, проходя мимо самурая и приглашая его пройти за собой. – Знаю пару стихов наизусть и безумно люблю его творчество.

– Может, назовете любимое?

– «Говорят: что забыл ты на этой горе?

Словно птица, гнездишься в лесу!»...

Киеси быстро догнал настоятеля и с премилой улыбкой, не характерной для него, слушал стихотворение. Голос асахи вкупе со словами бессмертного поэта порождал воистину прекрасное творение, и для самурая оно стало похоже на бледный свет луны зимней ночью, когда

вокруг царила тишина, и только хруст снега под ногами и звезды на небе тихо говорили, что ради таких мелочей стоит жить. Он не заметил, как монах остановился и посмотрел на него, а потому, отвернувшись, прокашлялся в кулак, возвращая привычную маску безразличия на лицо.

Хитоси , неожиданно вылетевший из-за угла и уронивший взятую из библиотеки книгу, быстро поднял ее и поспешил спрятать под хаори. Его пылающие от мороза щеки вспыхнули сильнее, стоило вспомнить произошедший накануне случай, из-за которого он вынужден был отводить взгляд в сторону. Еще меньше ему хотелось, чтобы настоятель храма узнал о том, какую работу он взял почитать. Из дня в день хитоси обращал внимание на лежащую на столе монаха книгу в темной обложке и мечтал однажды узнать, чем же полюбилась она ему. Казалось, если человек не желал рассказывать о себе, нужно просто изучить то, что он любит, и тогда какие-то незначительные вещи обретут смысл, но Асахи-сан не спешил возвращать ее в библиотеку несколько месяцев.

– Хитоси -кун...

Послушник глупо улыбнулся, вопросительно поднимая брови. Он знал, что написано на страницах, успел полистать и зацепиться за какие-то фразы, поэтому, пусть с ее помощью и открылась бы не самая приятная сторона настоятеля, жаждал изучить.

– Не желаешь выпить с нами?

С третьего яруса Токаген-дзи открывался воистину прекрасный вид: усыпанные снегом ветви сосен блестели от солнечного света, голубая рябь пруда на территории храма с плавающими в нем карпами кои отражала редкие облака, вдалеке виднелась вершина Фудзиямы, величественно возвышающаяся над людским миром. Киеси, подойдя к перилам, вытянул руку, словно хотел коснуться горы, и сразу же поднес

ее ко лбу – из-за солнца рассмотреть прекрасный пейзаж получалось с трудом.

– Присаживайтесь, Киеси-кун, – Асахи сделал глоток и поднял голову к небу. – Вы же теперь один из нас, к чему сторониться?

Киеси помедлил. Грациозно плавающие на поверхности воды карпы кои, за которыми он наблюдал, скрылись из виду, и, потеряв к ним интерес, он присоединился к монаху.

– Прошу прощения за своих учеников, – Асахи налил сакэ в очоко и протянул самураю, – зачастую они делают глупые вещи, но...

Он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на безмятежное спящее лицо послушника, и тихо усмехнулся.

– Я хочу дождаться момента, когда выброшенные цветы станут ярче всех.

– Асахи-сан, – Киеси не заметил, как запьянел. Ощущение легкости от выпитого и чувство эйфории делали мир еще более прекрасным, и он был готов продолжать бороться с самим собой за право существовать здесь. Монах же, с удивлением обнаруживший, что один керамический сосуд опустел, налил ему еще. – Те гравюры в кабинете – ваша работа?

– Как вы догадались?

– Как бы это странно ни звучало, но я замечаю многое. Вы очень красиво рисуете. И на самом деле я тоже хотел бы рисовать картины. Безумно хотел рисовать! – он подставил лицо солнцу и рассмеялся, почесывая голову. – Если бы я только умел рисовать... Поэтому рисуйте еще за меня, хорошо? А если будете сомневаться, я обнажу меч, чтобы избавить вас от сомнений.

На щеках настоятеля появился румянец – то ли сакэ наконец-то начинало брать свое, то ли утренний мороз коснулся их руками. Киеси выпил еще.

– Знаете, что я понял, Асахи-сан? – он рассматривал маленькие облака, плавно плывущие по небосводу, и говорил тихим и ровным голосом. – Солнце частенько заволакивают тучи, скрывая от наших глаз. И все же, если поднять взгляд к небу, ты непременно увидишь его сквозь просвет среди утч. Именно поэтому, дабы не потерять его из виду, мы не должны прекращать смотреть на небо. Нужно держать головы высоко поднятыми жить, глядя прямо на солнце.